

Наталья Фокина, прожившая с мужем 55 лет, начала разбирать его бумаги и сразу наткнулась на неизвестные ей странички дневника 1947 года. Мы читали вслух, у нее по щекам текли слезы, она отирала их ладонью.

24. 10. Приехала Наташа Фокина. У меня к ней странное чувство. Она нравится мне. Стоит мне отпустить свое чувство, и я буду влюблен в нее. Я, очевидно, нравлюсь ей. А я держу себя, держу. Какое-то странное чувство. А вдруг придет что-то другое. Не знаю. Очевидно, надо все же сдержаться...

30. 10. Ну, вот. В моей жизни, горестной и трудной, появилась женщина. Долгожданная, милая женщина. Я растерян ужасно. Я все время хочу ее видеть, все время. Я строю планы, в душе будучи уверен в их недостижимости. Мне страшно ходить с ней по улицам, т. к. мне все время кажется, что мы все время обращаем на себя внимание и мне вот-вот придется драться. Мне ужасно этого не хочется в ее присутствии. И все время подмывает дать кому-то в морду. Словом, я влюблен самой мальчишеской любовью. Она бредит театром и смотрит на меня ясными глазами. А ведь если я имею или буду иметь место в ее сердце - мне ужасно не хочется делить его с театром. Я строю дивные планы о монопольном владении ею, о чудных пу-

тешествах, которые мог бы с ней предпринять, о чудных днях, которые хотел бы прожить с ней, с милой девочкой. И я знаю, что все это недостижимо и что это в конце концов вряд ли устроило бы ее, и что я, верно, не смог быть для нее достаточно смел, удачлив, умен и красив. Она достойна настоящего человека. Смогу ли я сколько-нибудь приблизиться к тому идеалу, который нужен ей, который оторвал бы ее от театра и принес бы ей уйму радости и чудную жизнь, который был бы ей настоящим мужем. Я страстно хочу этого, но смогу ли? Наверно, нет. Милая, милая девочка. Я делаю не то, что нужно. Я стараюсь войти в твою жизнь, стараюсь приблизиться к тебе и все быстрее и быстрее прикипаю к тебе. Тем труднее будет оборвать. А ведь придется. Я должен перестать встречаться с тобой, должен забыть, забыть...

4. 11. Третий час ночи. Чудный день с Наташей, милой Наташей... Я бы хотел, чтобы это было моей первой любовью. Но это очень похоже. Любовь, конечно, любовь. Мне все время хочется видеть ее, держать ее руку, слушать, как она разговаривает и смеется. С ней очень хорошо вдвоем. Чудно, чудно. Потом мы поднялись на фуникулере и долго-долго разговаривали. Все уговаривала меня встряхнуться и сделаться злым и самоуверенным... Я должен. Во что бы то ни стало должен добиться места в жизни. Неужели не добьюсь?

Наталья ФОКИНА: - Нам казалось странным, что были годы, когда мы не знали друг друга.

- Вы жили в одном дворе, одном доме, одном городе?

- Не совсем, но судьба нас все время соединяла. Я училась в 9-м классе, мне было 15 лет, он старше на три с половиной года, мы приехали в Тбилиси в 1943-м, потому что отец, геолог, работал при штабе Закавказского военного округа. В доме, где я жила, была керосиновая лавка, они, живя по соседству, ходили туда за керосином. Тогда мы не встретились. В 1944-м мы уехали в Москву, я поступила в Институт иностранных языков, мы жили на Зубовском бульваре. А он приехал поступать во ВГИК и жил в общежитии в Зачатьевском переулке, в двух шагах. Там был магазин, где отоваривались продовольственные карточки, куда он ходил и мы ходили. Он даже в нашем институте бывал в столовой, где студентов кормили по талонам. Но мы все еще не встретились. А в 1947-м я снова приехала в Тбилиси. Он жил там, проучившись один год во ВГИКе и не выдержав голодной и холодной московской зимы с карточной системой. Для него даже не было свободной койки в общежитии, он на первых порах ночевал в шкафу. А потом его друг-художник достал в профкоме талоны на галоши, и они эти галоши продали и купили ему билет до Тбилиси. В это время уже вернулась из Акмолинска его мать, сидевшая в лагере как жена врага народа. Он работал в Тбилиси где придется, тосковал. И тут подруга детства, работавшая у моего отца, пристроила его в геологическую партию. Люди прекрасные, молодые, веселые, ходили по горам, сочиняли стихи, все бывали в нашем доме. Нас было три сестры: Маша, Наташа и Соня. По этому поводу шутили, за нами ухаживали. Он потом говорил, что еще до того, как меня увидел, был готов.

- А вы?

Из дневника кинорежиссера
Льва КУЛИДЖАНОВА:

В моей жизни появилась долгожданная, милая женщина

Это о жене Наталье Фокиной.
Сорок дней назад выдающийся
мастер кино Лев Кулиджанов ушел...

- Я не могу сказать, что это был солнечный удар. Но что-то душевно близкое, родное. Мне 20, ему 24. Он считал себя человеком конченным. Он говорил мне: я великий компромиссник, мне бы только стул да книги, и все.

- Поэтому вы уговаривали его сделаться злым и самоуверенным? А когда поняли, что любите друг друга?

- Я уехала в Москву поступать в театральный институт на актерский, прошла все конкурсы и получила «двойку» по сочинению за ошибки. Если бы этого не произошло, я бы осталась в Москве, а он в Тбилиси. А так мы встретились снова в Тбилиси, ходили, гуляли, разговаривали о литературе, о природе, находили много общего. И вдруг... Я ориентировалась на эмансипированную жизнь. Как мама говорила: дети мои, институт брака изжил себя, надейтесь на себя. И потом удивлялась: я сама не знаю, почему из нас вышли такие примерные жены.

- У вас ведь мама и папа старинного рода?

- Бабушка по маме Старицкая, дедушка Любошинский. Любошинский - это XII век, вассалы, шляхтичи, земли в Витебской губернии, герб Гозлава, они сопровождали чешскую принцессу, которую выдали замуж за польского короля. Прадед окончил Петербургский университет, сенатор, член Государственного Совета, один из авторов судебной реформы 1861 года, самой прогрессивной в истории русского законодательства. Он же составлял брачный контракт Александра II с Юрьевской. Но Александра убили, и карьера моего прадеда оборвалась. Над реформой с ним вместе работал другой прадед, Старицкий, они дружили, и их дети поженились. Род Старицких еще более древний.

- Откуда эти знания?

- Мой отец по первому образованию историк, занимался генеалогией и знал все про всех. Отчасти за это и пострадал. Он был арестован дважды, первый раз в 1924-м, второй - в 1930-м, но освобожден, переменял профессию историка на геолога и, может, благодаря этому умер своей смертью. Он стал геологом при поддержке Вернадского - дяди моей матери. Вернадский посылал ему в ссылку книжки по геологии, у них были близкие отношения. А со стороны отца - первое упоминание в архивах: дядя Посольского приказа Фокин, XIV век. Прапрадед Фокин был адъютантом Суворова с 16 лет.

- Лев Александрович интересовался вашей родней?

- Очень. У него тоже интересные корни. У нас была выписка-акт XIV века о продаже католику земли Кулиджанишвили.

- Вы трудно жили?

Лев и Наталья:
они счастливы.

в Доме кино, я вижу потрясенные лица, к нам бросаются, говорят какие-то слова...

- Что вы испытали?

- Счастье.

- Вы не стали актрисой, а стали сценаристом. Два последних фильма «Умирать не страшно» и «Незабудка» Лев Александрович сделал по вашим сценариям...

- Когда его выбрали первым секретарем Союза кинематографистов, он сказал: теперь тебе будут давать деньги на все твои сценарии как моей жене, это неудобно, поэтому я советую тебе оставить это дело и пойти преподавать во ВГИК.

- То есть отлучил от профессии? В силу своей шепетильности?

- Я все поняла и приняла.

- А когда сказал, что будет ставить кино по вашим сценариям?..

- Это была радость.

- Он много болел?

- Постоянно. Мы пережили много чего. Операции, больницы, инфаркт, инсульт один... второй не пережили.

- Это его догоняло голодное, холодное детство, расстрелянный отец, мама в лагере...

- Это темы моих последних сценариев и его фильмы.

- Как вы реагировали - слезы, истерика?

- Никаких истерик. Как могла помогала. Я тонны мазей втерла, когда стало плохо с сосудами и ему собирались отнять ногу. Он прожил еще восемь лет.

- На что вы опирались?

- На любовь,

наверное.

- Какой он был человек? Судя по всему, чистый, искренний и порядочный?

- Очень светлый. И чем дальше, тем больше походило на то, что вначале. Что он хотел, то он мне и дал.

- Попрошиться успели?

- Нет. У него уже речи не было.

- Как вы приходите в себя?

- Не знаю.

- Вы верите, что с ним встретитесь?

- Конечно.

- Простите меня за эти вопросы.

Ольга КУЧКИНА.

Фото из семейного архива.

Герой
в юности.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Лев КУЛИДЖАНОВ родился 19 марта 1924 года в Тбилиси.

Постановщик фильмов «Это началось так», «Дом, в котором я живу», «Отчий дом», «Когда деревья были большими», «Синяя тетрадь», «Преступление и наказание», «Карл Маркс. Молодые годы» (7-серийный телефильм), «Умирать не страшно», «Незабудка».

Двадцать с лишним лет возглавлял Союз кинематографистов СССР.

Умер 17 февраля 2002 года в Москве.

- Довольно долго. У моей мамы была комната в московской коммуналке, поделенная на три части, одна часть наша - 6 метров. А у нас уже был сын Саша и родился второй, Сережа. Случалось, что и хлеба не было.

- Как переносили?

- Теперь кажется, что легко. Я была ему веселой женой. Да и он не упускал шанса повеселиться. Лежит в больнице, на следующий день операция, врач спрашивает: чего бы вы хотели? Он отвечает: поужинать в хорошей компании. И вместе с врачом отправляемся в «Арагви». Потом этот сюжет Михаил Ромм взял в «Девять дней одного года».

- А однажды Кулиджанов проснулся знаменитым...

- Да. Мы выходим после просмотра «Дома, в котором я живу»

Три сестры в детстве.
Наташа - в центре.

Кулиджанов Лев

28.3.02